

**Надежда
КЕЛАРЕВА***г. Онега,
Архангельская область***«Песня вырвется
в мир огромный...»**

* * *

Сколько шагов до квартиры
Запомнит лестница?
Сколько ворон
На запястьях берез
Поместится?
Будет ли май
Для ожившего чувства
Поприщем
Или опять
Сквозь весну
Ничего не помнящим?
Или опять безголосо брести
По сырости,
Думая, как
Что-то кроме молчанья
Вырастить?

Сыплется
Вместе с побелкой
Невоскресимое.

Слово спаси мое,
Слово спаси мое,
Слово
Спаси
Мое.

* * *

Я теперь верю картам, гадалкам и гороскопам,
Древнерусским преданьям, заветам любых церквей.
Ибо не оживишь динозавра путем раскопок,
Можно лишь — в голове.

Потому что всё радио меркнет на фоне неба,
Потому что есть что-то сильнее, чем план и цель,
Потому что мы ребус,
И мир наш — сложнейший ребус,
И кто знает, что ждет в конце.

Может, мысли и чувства равны обращению к Богу,
Может, это сигнал во Вселенский приёмник-пасть,
Может, всё решено и Земля — это мега-прога,
Только кода никто не даст.

Что мы можем тогда?
Танцевать, вспоминать былое,
Покупать молоко, на ожог прикреплять алоэ.
Я пишу этот текст, ты читаешь его, нас двое,
Мир огромен, нелеп, цветаст.

Мир абсурден, а мы и не знаем, на что способны,
Хочешь вместе споем?
Песня вырвется в мир огромный,
Сквозь легенды и мифы,
Пространства и времена.

И по вере воздастся нам.

Надежда Александровна КЕЛАРЕВА*родилась в г. Онега Архангельской области.**Студентка магистратуры СПбГУ**«Филологические основы**редактирования и критики».**Публиковалась в журнале «Двина».**Участница семинаров молодых литераторов**в г. Химки (2019 г.),**участница литературных смен**форума «Таврида» (2018 и 2019 гг.).**В журнале «Север» публикуется впервые.*

* * *

Леша гуашью рисует в альбоме домик,
Леша не знает о вузе, долгах, дипломе,
Леша не пьет всё подряд на общажных тусах.
По воскресеньям он молится Иисусу
Вместе с бабулей. Разглядывает иконы.
И самолетики сбрасывает с балкона.

Леша гуашью рисует машину «Ниву»,
Леша легко представляет, как быть счастливым,
Леша мечтает всю жизнь посвятить картинам,
Бабушка шепчет: «Кто знает, какие пути нам...»
Леша не слышит, как мама спустя лет десять
Крикнет: «Да кто твои кляксы решит повесить!»

Леша не в курсе, что выберет инженерный,
Станет серьезным, уставшим, курящим, нервным,
Станет от смеси депрессий – тоски – апатий
С кем-то чужим просыпаться в одной кровати.
Вычертив тысячи ровных до жути линий,
Леша отдастся бессмыслице и рутине.

Леша рисует мечты. Время видит вызов.
И сочиняет судьбу по своим эскизам.

* * *

Подбегают тревожно и хлопают по плечу,
Повторяют: как глупо! Бессмысленно! Чересчур!
Успокойся. Не хочешь в больницу? Пойдем к врачу.
Ну а я, как дурак, всё кривляюсь и хохочу.

Я таскал одинокость веками – ненужный груз,
Доставал свое сердце, краснющее, как арбуз,
Выбирали, стучали и пробовали на вкус.
Ничего – говорили – подумаю и вернусь.

Иногда возвращались. Когда заживал порез.
Веселились: а помнишь с тобою?
А помнишь – без?
В общем, было и было. Уже не имеет вес.
Так что нечего землю копать, если видишь крест.

И теперь всё равно: не доволен, не огорчен,
Отмерло всё, что в прежние звонко и горячо.
Это словно безглавому встретиться с палачом.
Я смеюсь. Мне легко. Мне не плачется.
Ни о чём.

ПАМЯТИ ЕГОРА ЛЕТОВА

У Егора тулуп да прибитый куплет к столбу,
Раскаленная печь да смолистая связка дров.
Безымянное время наполнит его избу,
Безымянная речка наполнит его ведро.

У Егора – стихи, а повсюду – таежный лес,
И скрипит синим снегом под валенками Сибирь.
Так уходят скитальцы, к груди прижимая крест,
Заменяя промышленный хаос на монастырь.

Так уходит уставший пластмассу ломать дикарь
После вечной весны несмолкающих оборон.
И теперь у него есть пристанище и декабрь

Да река,
До краев
Наполняющая
Ведро.

* * *

Мизинцу – угол,
Капронкам – складку.
Сугробы в звезды волками воют.
Забор не знает, что он ограда,
А я не знаю,
Зачем с тобою.

Глядим сквозь правду,
Резиним время
И мыслим мрамором категорий.
Сугробы воют волками в темень.

А я из окон
Им эхом вторю.